

Исидор Левин

Как Исидор Левин выжил в годы Второй мировой войны.

Отрывки из мемуаров И.Левина «Из копилки моей жизни и мыслей». Воспоминания. Журнал «Академия», 2009, NN 7, 8, 10, 11, 12, 2010, N 1

Отрывки подготовил Марк Рыбак.
Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

[1941 год. Эстония уже входит в состав СССР. 22-го июня гитлеровские войска вторгаются на советскую территорию. 2-го июля 22-летний студент из Даугавпилса (Латвия) Исидор Левин получает временный диплом окончания Тартуского университета. Надо срочно решать, что делать дальше – эвакуироваться вглубь России, попытаться выехать в другую страну, или остаться в Эстонии. Иллюзий по поводу обоих диктаторских режимов (гитлеровского и сталинского) у него нет. Исидор снимает комнату в доме своего учителя и наставника, известного теолога и культуролога Уку Мазинга (1909-1985). Надо решать... М.Р.]

Сидя за чайным столом, мы вчетвером решили, что я останусь в Эстонии. Это были Уку Мазинг, бывшая его студентка с Богословского факультета жена Эха (урожд. Гнадентейх, 1912 – 1998), а также наша гостья студентка Салме Нийленд (с 1950 г. Леетмаа (1915 – 2007)). Положение было очень серьезное, можно сказать, фатальное, но пока оставим это.

.....

[Исидор и Салме выезжают из Тарту «подальше от фронта», в хутор родителей Салме. М.Р.]

Когда Салме рассказала, как я живу в деревне, Эха тут же обратилась к пастору Петровской церкви с просьбой выписать мне новое свидетельство о рождении на имя беженца из Латвии. Пастор был знакомым Мазингов, однако, оказать такую услугу отказался, когда узнал, для чего это свидетельство требуется. Все же он, направившись из церкви в туалет, оставил для очистки совести на столе незаполненный бланк со штампом. Эха его взяла. Здание церкви в начале войны пострадало, проконтролировать документы было невозможно. Этот бланк Салме взяла в деревню и заполнила, внося достаточно правдоподобные данные моей биографии. Эти детали

моей «биографии» я согласовал с Мазингом, учтя даже мою принадлежность к Моисееву племени левитов, чтобы, в случае необходимости, Мазингу не пришлось бы лжесвидетельствовать, что я не еврей (о категории «Geltungsjude» в нацистском законодательстве мы тогда не знали). Мне было чрезвычайно важно, чтобы Мазингу не пришлось врать.

.....

Братья Салме, особенно Юхан, приезжали к отцу на хутор Куустле редко, болтали со мной о том, о сем, давая, однако, понять, что мне пора уехать. Однажды на хуторе появился помощник полицейского Соосаар, проверил мой паспорт, посчитал, что он в порядке – я его несколько раз регистрировал в Тарту. Я сказал, что скоро туда уеду.

В другой раз из хлева прибежала Элла и сказала, что волостная полиция проверяет жителей. Она увела меня в овчарню. На дворе уже сильно похолодало. Я ночевал в тепле среди овец. Утром Элла позвала меня в дом. Это был единственный раз, когда мне пришлось прятаться, а именно прикинувшись овцой... Хуторянин Педа (Пеетер) Койк однажды прочел в Вильяндиской газете «Сакала», что евреев высылают в Освенцим (Польша), добавив, очевидно для моего утешения, что «земля там может быть плодородной». Почему бы туда не поехать?

Салме приехала на хутор на Рождество 1941 г. На санях всей семьей мы поехали в церковь. На Крещение я начал готовиться к отъезду.

.....

По дороге в Валка я объяснил Салме, кем я с сегодняшнего дня буду считаться, попросив ее «на всякий случай» сообщить об этом Уку и Эхе. На прощание я написал им «последнее прости» и вернул латвийский паспорт, который хранится в доме Мазингов и по сей день.

Мы прибыли в Валку. Салме осталась ждать поезда на Тарту. Мимо меня прошагал немецкий полицейский по пустому перрону к поезду, который уже начал двигаться. Я успел вскочить в вагон. Поезд шел в сторону Выру. Там жил мой странноватый знакомый по имени Маттеус. Вечером я разыскал его дом. Он узнал только мое лицо, а имени не помнил. В кармане у меня было зарегистрированное полицией удостоверение личности без фотографии, принадлежащее брату Педы - Абья, на имя Яана Койка, которое я одолжил только для этой поездки.

.....

Утром я пешком направился по лесу в сторону Печорского монастыря. Было холодно. На одном хуторе я попросился ночевать. Хозяин, член Омакайтсе, спросил у меня документы. Я показал удостоверение личности Койка, от его имени рассказал о себе и что иду в монастырь. Спать лег на кухне, утром мне дали чаю, хлеб у меня был. Я поблагодарил за ночлег и двинулся через мост к шоссе в надежде на попутный

транспорт, идущий в сторону монастыря. Охранник моста стал мне задавать вопросы, но быстро отстал, когда я сказал, что ночевал в доме его начальника. Мое поведение показалось ему убедительным, он больше ничего не проверял и отпустил меня. Я быстро скрылся в лесу, двигаясь к монастырю. По шоссе в ту же сторону ехали сани, я попросил их хозяина меня подвезти, и он согласился. Похоже, что он был или русский, или сету. На повороте к своему хутору он меня высадил, и дальше я в сумерках шел один.

.....

Во двор монастыря я вошел уже вечером. Из церкви навстречу мне вышел пожилой монах, оказалось, что это и есть настоятель монастыря отец Павел. Я спросил, не найдется ли для меня работы и крова, рассказал, что учился богословию в Тарту. Он сказал, что недавно молился, чтобы Богородица послала ему в помощь образованного человека, владеющего эстонским и хотя бы немного немецким языками... Теперь он счастлив, что Она исполнила его просьбу. Он не спросил, какой я веры и откуда родом. Он привел меня в свою комнату, поинтересовался, как меня зовут. Я ответил, что с рождения имя мое Зигфрид – также Исидор – Кокинс.

.....

16 марта 1942 г. в мою комнату в монастыре пришли двое из эстонской «политической полиции» и велели следовать за ними. Я распрощался с отцом Павлом...

На допросе я должен был расписаться в протоколе, что был арестован по подозрению в «антигосударственной деятельности». Мне показалось, что полицейский изучал право в Тартуском университете, и я спросил у него – против какого государства? Латвийской или Эстонской независимых республик, ЭССР, Советского Союза или даже Германии? Я не принимал участия ни в какой антигосударственной деятельности. Я чувствую себя подданным Библейского царства небесного...

После этого меня отвезли в тюрьму, в камере я был 81-м, как раз была перекличка. Камера была переполнена, мне показали место у параши. Все было мне чужое, я улегся на пол спать, не раздеваясь.

Мне было необходимо наладить контакты с сокамерниками, помогать им духовно, найти понимание с эстонскими охранниками. В русской среде Печорского монастыря бросалось в глаза, что я не русский – я же был латыш. В тюрьме мне пришлось иметь дело с разными людьми, я, безусловно, должен был понимать, в первую очередь, их особенности и предрассудки, я ведь изучал этнографию в Тартуском университете (*Volks- & Völkerkunde*). Каждая моя оплошность, например, на каком языке и что я мог сказать во сне – была смертельно опасной. Я должен был как внутренне, так и внешне постоянно себя контролировать пока это не стало естественным рефлексом, автоматическим средством защиты. При этом я должен был оставаться самим собой, выглядеть естественно, соответствовать моей сущности в прошлом и несвободном настоящем. От этого зависело, возможно, мое будущее.

Позднее началось следствие, которое формально еще и не закончилось. Я остался в тюрьме как человек «под подозрением». Каждый день, каждый час и мгновение могли стать последними в моей жизни. Так я думал и, соответственно, себя вел. Так я держался и при власти коммунистов при опасно изменчивой личной жизни. В отношении убеждений такое поведение продолжается и сегодня, этому меня научил Уку Мазинг.

.....

Заключенных Печорской политической полиции переправили в Тартуский концлагерь («трудовой и воспитательный»), где могли находиться люди, знавшие меня с 1937 г. по Тарту. Моя жизнь зависела от усердия следствия, как и случая, и многого другого, но в первую очередь от меня самого – моего поведения и впечатления, которое я производил на окружающих.

В Тарту около железнодорожных путей в Куперьяновских казармах среди заключенных я увидел «коменданта», позднее – «управдома» (в России он стал смехотворным бюрократическим образом, но в жизни был деятелем, которого боялись). Этот мужичок в 1940 г. составил список всех жильцов национализированного дома господина Труупылла. Он был личностью с хорошим почерком, но безграмотный, и вел себя по-хамски, начальственно. В тюрьме мне очень нужно было, чтобы у него сложилось впечатление, что он впервые в жизни видит меня среди русских. Мне это удалось, Вскоре он исчез.

Через некоторое время в лагере появился молодой человек, обвиненный в политических преступлениях, студент Тохвер¹, который в университете был деятелем молодежного коммунистического движения. Я заметил, что и он меня узнал. В прачечной я к нему подошел и сказал, что было бы разумно, если мы не подадим вида, что знакомы. Через пару дней он исчез из моего поля зрения.

В 1944 г. в концлагере появился Паул Сарв (1916 – 2005), который жил недалеко от меня в Тяхтвере. Кроме того, он посещал Еврейское академическое историко-литературное общество, как и Салме Нийленд. Он меня узнал, но имя забыл. Я должен был ему объяснить положение дел и прояснить его мысли. Мне это удалось, и он стал для меня безопасным. И он, и вся семья профессора Яана Сарва были типичными представителями эстонской предвоенной интеллигенции. Салме рассказывала, что в доме Сарвов были дни недели, когда они говорили на определенных языках, которые таким образом переставали быть иностранными – эстонском, русском, немецком и, кажется, французском.

.....

Так как я был подследственным политической полиции в Печорах (не Тарту), летом 1944 г. вооруженный охранник препроводил меня в Таллиннскую Батарейную тюрьму с новым обвинением, разоблачающим мое участие в «организации», в результате суда меня ожидала бы смертная казнь. В этой тюрьме вместе с двумя другими заключенными меня поместили в маленькую «закрытую» камеру, на допросы

¹ Очевидно речь идет об Артуре Тохвере (1919–1944), который учился в университете на агронома 1938–1942, в 1941г. был в истребительном батальоне, был арестован в 1942 г., умер в Штуттхофе. *Редакция.*

не вызывали. По словам охранника, эта камера предназначалась для смертников. Тюрьма была временно закрыта из-за карантина тифа, судебные разбирательства прекратились. Говорили, что это заключенные специально занесли бактерии тифа в камеры. Однажды всем приказали выйти в коридор и смотреть через окно как во дворе вешали несколько человек, обвиненных в этом. Мне было достаточно взглянуть на еще пустую виселицу, чтобы вернуться в камеру. (В 2007 г. мы с женой были проездом в Таллинне. Ей захотелось пойти на экскурсию в Батарейную тюрьму, чтобы посмотреть, где я отбывал срок дважды – при немецкой и советской оккупациях. Интересно было послушать ответы экскурсовода на вопросы туристов, они и не подозревали, что я – оставшийся в живых свидетель).

*

В конце августа 1944 г. немецкие полицейские составили список заключенных. Опросили, кто владеет немецким языком, где и кем работал, за что и когда арестован. Я сообщил, что работал в Гамбургской фирме Эггерс на строительстве моста через реку Эмайыги, меня арестовали за опоздание и обвинили в уклонении от работы.

На следующий день группу мужчин отвели в большое помещение. Вскоре выяснилось, что в связи с активным наступлением Красной Армии нас эвакуируют в трюме парохода «Вартхеланд» в Германию. Через несколько дней мы высадились в Данциге. Эстонский конвой по пути исчез вместе с нашими документами. Мы оказались подозрительными людьми без имен. Нас отправили в Штутхофский концлагерь и поместили во дворе под открытым небом. Внутреннее руководство лагерем было в руках заключенных-поляков. Там надо было заполнять анкеты и я превратился в «умелого» переводчика. Мой номер был Ле 81288. Благодаря этой работе я смог избежать смертной казни, а также спасти группу эстонцев и латышей. Если бы они честно ответили на вопросы анкеты (как это делали многие эстонские интеллигенты, знающие немецкий язык), они бы расстались с жизнью.

Я зарегистрировался латышом, жившим в монастыре в Эстонии и арестованным за уклонение от работы (*arbeitsscheu*). Назвал немецкие фирмы с их адресами, которые строили мосты через Эмайыги и в Васула. Я, в самом деле, там был на принудительных работах, так что мое прошлое, несмотря на отсутствие документов, было в порядке.

В Штутхофе жизнь была очень трудной, новичкам доставалось от «капо» (*Kameradschaftspolizei*), которые жестоко учили их дисциплине. Но это было все же лучше, чем вежливая смерть в Таллинне.

.....

Когда заключенных начали группами посылать на принудительные работы, я попросился вместе с поляками на оружейный завод Шихау Верке в Элбинге, чтобы спастись от Штутхофского ада.

.....

Через несколько месяцев в феврале 1945 г. заключенных вернули на поезде в Штутхоф. Польская внутренняя администрация лагеря, как и эсэсовцы, показались нам значительно более либеральными. Дело в том, что молодых эсэсовцев послали на фронт, их заменили пожилыми, которые уже предчувствовали скорый конец власти Гитлера. Нас разделили на группы и повели пешком, но мы не знали – куда.

Начался марш по снежной слякоти.

Мы были в жутком состоянии, изнуренные от голода, нас уже давно вообще не кормили. Кто не мог идти дальше, даже держась за соседа, и падал – получал пулю в затылок.

8 марта 1945 г. бронетанковые войска Красной Армии начали поджимать немцев, а также и нашу колонну движущуюся по так называемой дороге смерти от Штутхофа в сторону Балтийского моря. Охрана эсэс тайно исчезла накануне ночью, остались лишь несколько пожилых солдат, которых прикончили русские.

Я выполз на так называемую свободу, мне неизвестную. Либеральный 1940 г. остался позади. Я бы как-нибудь сумел остаться в Польше, но не было желания. Появилась тоска по «метафизическому» Тарту.

Я медленно восстанавливал силы на одном хуторе, где были местные немецкие беженцы, а также несколько бывших голландских, итальянских и других военнопленных. Штутхофские узники – поляки пешком стали двигаться в сторону дома. «Органы» Красной Армии отобрали некоторых бывших заключенных-эстонок для фильтрации. Мне удалось этого избежать. Меня принимали за поляка или немца, с ними красноармейцы вели себя мягче, чем со своими гражданами.

Я поправлялся медленно. Мне нужна была врачебная помощь для лечения ожогов и появившегося после марша по слякоти воспаления нерва. Недалеко в Наугарде нашелся немецкий врач из военнопленных, у него имелся запас лекарств. Он меня быстро поставил на ноги с помощью интенсивных процедур с чужой кровью.

Одна из частей пограничной охраны отобрала меня и еще нескольких русских военнопленных к себе в помощь. Так как с жителями (немцами и поляками) пограничники не могли общаться, я подружился с красноармейцами и стал помогать им в качестве переводчика. Им было приказано организовать переселение немцев с территорий, перешедших после раздела к Польше.

У немцев, особенно женщин, с поляками, которые относились к ним нагло, были проблемы. Русские пытались наладить между ними более вежливые отношения, и я им в этом помогал. Пограничники были уполномочены заботиться о том, чтобы русские солдаты от нечего делать не уничтожали культурные ценности – картины, библиотеки, архивы. Здесь я мог им помочь как специалист. За это, а может по халатности или из сочувствия, меня не «фильтровали» и не арестовали. Я мечтал уехать в Тарту, но у меня не было удостоверения личности. Красная Армия, в отличие от англичан и американцев, не выдавала каких-либо документов бывшим узникам концлагерей, очевидно, это делалось при «фильтрации». Так что документов у меня не было.

О советских законах я ничего не знал, но чувствовал, что должен себя вести очень осторожно. Я же жил под придуманным в лагере именем, которое стало мне родным. Один капитан пограничных войск, по фамилии Калинин готовился к отъезду в отпуск на родину в Карелию. Я попросил его взять меня с собой. Он согласился, дал мне летнюю гимнастерку без погон, в которых ходили отставники. Я стал «ординарцем»

Калинина, поэтому меня больше не проверяли. Через Каунас мы поехали в Ригу. Калинин уехал в Ленинград. Он обещал сообщить о себе на обратном пути и заехать за мной в Тарту, чтобы вернуться в Торунь (Польша) в свою часть. Откуда-то он знал, что в этом городе, на отбитой у немцев земле, у меня была лекция «О польском влиянии на Латгалию». Однако добрый капитан так и не объявился, очевидно, он демобилизовался в Карелии.

На вокзале в Риге я случайно встретил знакомого еврея, от которого узнал, что произошло в Латвии во время немецкой оккупации. Узнал, что у меня на родине в Даугавпилсе родни больше нет.

В Тарту я приехал на поезде, как и в первый раз, 29 июня 1937 г. (Эта дата для меня очень существенна, я ее отмечаю с благодарностью).

*

Мне предстояло начать жить заново, но под каким именем? Прежде всего, под тем, которое у меня было в Тартуском лагере, меня там знали очень многие, не стоило бы перед ними появляться под «новым», то есть действительным старым именем, в то время как из бывшего студенческого прошлого опасаться вероятно было некого. Я был, кем был.

С тартуского вокзала с чемоданом в руках я двинулся в сторону Тяхтвере. В доме на ул. Хурда 9 я увидел в окне первого этажа своего учителя и спасителя Уку Мазинга. Почему он был на первом этаже, а не на втором, где он раньше жил в квартире, в которой была и моя комната? Последние разы я встречался с Уку нелегально в 1943 и 1944 гг. во время немецкой оккупации при помощи гамбургцев. Теперь при ошеломляюще радостной встрече Уку позвал из кухни Эху – «смотри, кто к нам приехал!» Это была счастливая встреча. Мазинг начал рассказывать о жизни при Советах.

.....

Вскоре Уку поведал мне и о Клоога. Когда Красная Армия вытеснила немцев из Эстонии, в Клооге обнаружили поленницы дров с трупами евреев, многие из которых не успели сгореть. Кто так спешил в последний час? Власти решили выяснить, кто виноват в этом преступлении. Надо было опросить живых свидетелей, чтобы хотя бы узнать, кто и откуда были убитые. Предстояло также изучить сохранившиеся документы. Для этого была создана государственная комиссия, заслуживающая доверия, в которую входили также епископ Эстонской евангелической лютеранской церкви и, по его просьбе, Уку Мазинг как специалист, владеющий еврейскими языками. Мазинг предположил, что в Клооге может найтись и мой труп... Началась работа комиссии. Русским надо было выяснить по существу, не было ли среди расстрелянных «честных советских людей» или это были только зарубежные евреи. От этого зависел текст на надгробии коллективной могилы.

.....

Вскоре меня в Тарту арестовали и в сопровождении офицера отвезли в Таллинн в распоряжение «водного отдела» НКВД. Я понял, что попал в их поле зрения по наводке прибрежных жителей Чудского озера, с которыми сидел в Печорской тюрьме и позднее – в Тартуском концлагере. Бог знает, что им обо мне взбрело в голову, что заинтересовало «безопасность». Полковник Мирзоев из Таллиннского НКВД, похоже, кавказец, допросы вел очень жестоко, угрожал, что «знает обо мне все» и требовал от меня письменную биографию. Я спросил, писать на эстонском языке, что мне удобнее, или на плохом русском? (Между прочим, это дешевый прием – угрожать, что ему все известно. Ведь он долго не знал моего настоящего имени. Очевидно, он надеялся мне «пришить» преступление, надеясь за это получить продвижение по службе). Я должен был объяснить для чего и как «Гитлер меня оставил в живых, и с каким заданием меня послали в Эстонию». Позднее следствие передали лейтенанту Челнокову, который вел себя более вежливо, не беспокоил ночными вызовами на допросы, как это практиковалось.

Следствие длилось почти год, обвинение так и не предъявили, если не считать преступлением то, что я остался в живых.

В Таллинне меня держали в подвале НКВД на ул. Пагари...

.....

Когда это странное расследование закончилось, меня перевели в Батарейную тюрьму, но из-за плохого здоровья поместили в больницу, где, к моей радости, оказался отдельный сортир, которым можно было пользоваться в любое время. В ожидании суда меня на несколько часов поместили в одиночную камеру, чтобы я мог прочитать обвинение и записать возражения. Этого я вообще не делал, так как все и так было ясно – единственная моя вина заключалась в том, что я жил под чужим именем (разумеется, чтобы спастись от немцев, а не от русских). Меня упрекали в том, что «честных советских людей убивали», а я остался жить, тем самым логически давая понять, что я не отношусь к «честным советским людям». Тем не менее, в конце прокурор предложил мне сравнительно легкое наказание в случае, если я признаю вину – меня по амнистии сразу освободят из заключения. Я решительно отказался.

Военный трибунал все же посчитал, что состав преступления отсутствует (очевидно, очень нужны были исключения для облагораживания статистики, существовало же у «безопасности» правило, что нужен человек, а параграф против него всегда найдется).

На этот раз меня не расстреляли, как должно было случиться в Батарейной тюрьме в конце немецкой оккупации в 1944 г., а даже выпустили, но после моей голодовки, так как прокурор имел право в десятидневный срок опротестовать решение трибунала. Дольше я ждать не хотел, и указал, что меня могут снова арестовать при выходе из ворот тюрьмы.

К голодовкам я уже привык. Появился доктор с угрозой кормить меня принудительно. Я ответил, что это будет преступлением, т.к. трибунал не нашел оснований для наказания. Меня освободили через несколько дней.

Наручные часы, но без ремешка, т.к. со временем он высыхает – вернули, как и пуговицы, которые срезали с брюк в целях безопасности. Снабдили билетом для возвращения в Тарту и однодневным продовольственным пайком. На прощание Челноков посоветовал мне не распространяться об «инциденте», анкета же с моим настоящим именем пусть до конца останется чистой.

Я спустился в подвал КГБ с короткой анкетой *настоящего* не веря, что меня действительно арестовали, но когда меня сфотографировали как заключенного Зигфрида Кокинса, отрезали пуговицы с брюк и постригли наголо, я понял, что действительно арестован. Теперь же я вышел как Исидор Левин со своим 27-летним неустойчивым печальным *прошлым* в неизвестность и чужую мне действительность.

Я научился чувствовать, как короток в Советском государстве путь человека в тюрьму и как длинна и трудна оттуда дорога к свободной жизни.